

III. ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

УДК 940.5

В.Ю. Волошина

А.А. КИЗЕВЕТТЕР О РОЛИ НАРОДНЫХ МАСС В ГОСУДАРСТВЕННОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ РОССИИ*

Анализируются взгляды известного историка русского зарубежья А.А.Кизеветтера на роль народных масс в эволюции российской государственности в Средневековье, высказанные им в работе «Общие построения русской истории в современной литературе» в 1928 году. Отмечается, что ученый приходит к выводу, что для научного осмысления роли народного творчества необходим анализ не только эволюции государственности, но и истории русской колонизации, народного хозяйства, культуры и быта российского общества.

Ключевые слова: историческая наука русской эмиграции, методология, народ, государство.

Современная отечественная историческая наука переживает сложный период. Он характеризуется не только избавлением от идеологических штампов и излишней политизации тех или иных сюжетов прошлого, но и глубоким, непредвзятым изучением богатейшего наследия русской эмигрантской науки в лице ее крупнейших представителей, творчество которых долгое время было на родине за семью печатями. К их числу, безусловно, относится Александр Александрович Кизеветтер, ученик и коллега В.О.Ключевского по Московскому университету, один из самых популярных историков конца XIX – начала XX века. Принадлежность к партии кадетов и депортация из России в 1922 г. надолго сделали невозможным упоминание его имени на Родине. Хотя в настоящее время начинается переиздание его трудов, большинство из них остается недоступным современным отечественным историкам. Значительный вклад в изучение научного наследия А.А. Кизеветтера внесли работы М.Г. Вандалковской [1–3]. Ее исследования остаются, по сути, единственными в новейшей историографии, посвященными творчеству этого выдающегося ученого. Целью данной публикации является выявление методологических подходов А.А. Кизеветтера к вопросу о роли народных масс в государственном строительстве России, сформулированных им в статье «Общие построения русской истории в современной литературе». Эта работа была напечатана в Париже 1928 г. в 37-м томе журнала «Современные записки». В России, насколько нам известно, она никогда не издавалась.

А.А. Кизеветтер родился в Петербурге в мае 1866 г. в семье видного военного юриста. Его детство и юность прошли в Оренбурге, куда семья

была вынуждена переехать во второй половине 1860-х гг. по состоянию здоровья отца. В 1884 г. юноша уехал поступать на историко-филологический факультет Московского университета. Тогда там преподавали В.О. Ключевский, П.Г. Виноградов, В.И. Герье, А.Н. Веселовский, С.Ф. Фортунатов, П.Н. Милюков и др. Впоследствии в своих мемуарах («На рубеже двух столетий / Воспоминания 1881–1914 гг.») А.А. Кизеветтер с большой теплотой вспоминал об учителях, особенно о В.О. Ключевском, под руководством которого с третьего курса начал активно заниматься научной работой, изучая историю служилого землевладения России в XVI–XVII вв. В 1888 г. после окончания университета он был оставлен на кафедре российской истории для приготовления к профессорскому званию, а в 1898 г. получил должность приват-доцента.

Его научная и педагогическая карьера складывалась весьма успешно. В 1903 г. вышла первая книга «Посадская община в России XVIII столетия», которую он представил в качестве магистерской диссертации. Оппоненты – В.О. Ключевский и М.К. Любавский – отметили ее новаторский характер и ходатайствовали о присуждении соискателю премии Г. Карпова. Эта книга до сих пор является источником исключительно подробных сведений о размерах посадов, их социальной структуре, тяжести повинностей, возложенных на посадских людей, порядке их взимания, круговой поруке, взаимоотношениях между основной массой посадских и богатым купечеством [4. С. 9]. В 1909 г. ученый защитил докторскую диссертацию, посвященную Городовому положению Екатерины Великой, и получил должность профессора. Помимо университета, А.А. Кизеветтер преподавал

* Работа выполнена при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям ГК № 02.740.11.0350.

историю, географию, историю русской литературы в других учебных заведениях Москвы, в том числе на Высших женских курсах В. Герье, в Лазаревском институте восточных языков, художественном училище живописи, ваяния и зодчества и др. Его лекции пользовались огромной популярностью среди студенческой молодежи. М.В. Вишняк, неоднократно слушавший А.А. Кизеветтера в стенах Московского университета, вспоминал, что «эта популярность покоилась не столько на политическом свободомыслии лектора, сколько на интересе к теме читаемого курса и художественной рельефности ее интерпретации. Если лекции Ключевского собирали битком набитую аудиторию, в которой трудно было дышать, не то что стоять и слушать, студентов со всех факультетов, – лекции Кизеветтера привлекали по преимуществу филологов-историков и юристов. Но их было достаточно, чтобы заполнить громадный зал» [5. С. 398]. По признанию П.Н. Милокова, А.А.Кизеветтер более чем кто-либо из учеников Ключевского воспринял педагогические приемы учителя. Размышляя над особенностями своего ремесла, А.А.Кизеветтер писал, что «...нельзя быть историком, не умея открывать в пестрой сутолоке жизненных фактов объединяющей их законосообразности. Без этого дара не будет историка; будет только рассказчик, ибо переживать прошлое в своем воображении, еще не значит понять его. Но нельзя также быть историком, не умея мысленно представить себе и воссоздать словом перед другими явлений прошлого во всей их конкретности, во всем их индивидуальном своеобразии, во всей сочности присущих им жизненных красок. Без этого дара конкретного воссоздания былой жизни не будет историка, будет только резонирующий диалектик, играющий словесными формулами, ибо действительный материал истории состоит не из совокупности отвлеченных формул, а из повседневной сутолоки отдельных жизненных явлений» [6. С. 324]. Безусловно, это счастливое сочетание эрудированного ученого-исследователя и талантливого преподавателя-оратора было свойственно самому А.А. Кизеветтеру.

Наряду с научной и преподавательской работой он занимался активной просветительной деятельностью, тесно сотрудничая с журналами «Русская мысль», «Русские ведомости» и «Освобождение». Будучи убежденным либералом и западником, известный историк закономерно оказался у истоков «профессорской» партии, став одним из руководителей Московского губернского комитета и членом городского комитета кадетской партии. В 1906 г. он был избран членом ее ЦК и во-

шел в состав Государственной думы второго созыва. В 1911 г. в знак протеста против нарушения университетской автономии в составе группы профессоров покинул Московский университет (вернулся в марте 1917 г.). После отставки он погрузился в партийную работу, но продолжал преподавать в Коммерческом институте и в Народном университете им. А. Шанявского.

Как и многие представители научной интеллигенции, А.А. Кизеветтер восторженно встретил февральскую революцию и не принял октябрьской. С новыми властями у ученого сложились недоброжелательные отношения. Его трижды арестовывали, неоднократно производили обыски в квартире, в 1920 г. запретили преподавать в вузах и, в конце концов, в сентябре 1922 г. на пароходе «Обер-бургомистр Хакен» выслали из России. После высылки ученый оказался в Берлине, где прожил около года, а затем переехал на постоянное жительство в Прагу.

Как известно, чешские власти, проводившие «Русскую акцию», настаивали на прекращении политической деятельности ученых-эмигрантов. А.А.Кизеветтер отходит от политики, полностью отдавшись преподавательской и культурно-просветительной работе. Он преподает историю в Русском юридическом Институте и в Карловом университете, ведет огромную лекционную работу в Праге и в других городах Чехословакии, Югославии, Германии, Эстонии, Латвии Болгарии, являясь профессором Русского народного университета. Везде его лекции вызывали большой интерес и пользовались неизменным успехом. Без его участия не обходилось ни одно празднование «Дней русской культуры». Как вспоминал его ученик и соратник А.Ф. Изюмов, пражский период жизни этого человека был «безрассудным расходом своих сил, уже надломленных роковым недугом. А<лександр>А<лександрович> выступал с докладами и лекциями чуть ли не каждый день. Уже за несколько дней до смерти он должен был читать три доклада в один день» [7. С. 213]. Кроме этого, А.А. Кизеветтер вел активную общественную работу, будучи председателем Совета Русского заграничного исторического архива, одним из учредителей (1925 г.) и председателем (1930 г.) Русского исторического общества в Праге, членом Педагогического бюро, участником IV (1928 г.) и V (1930 г.) съездов русских академических организаций за границей.

Несмотря на колоссальную загруженность, А.А. Кизеветтер не переставал заниматься наукой. Поскольку о работе в российских архивах нельзя было и мечтать, то одним из приоритетов его на-

учной деятельности в этот период становится историография. На страницах газет «Руль», «Сегодня», «Последние новости», журналов «Воля народа» и «Современные записки» регулярно появлялись его статьи, посвященные актуальным вопросам русской истории и культуры. За годы эмиграции ученый опубликовал более 500 статей, рецензий и заметок [4. С. 18]. Можно сказать, что в эмиграции сфера его научных интересов почти не меняется. В центре внимания ученого по-прежнему находятся проблемы взаимоотношений государства и общества, эволюции сословного строя, роли личности в истории и т.п. Отличительной чертой эмигрантской исторической науки можно считать рефлексию по поводу революции. Осмысление ее причин и грядущих последствий стало лейтмотивом всей интеллектуальной истории русской послеоктябрьской эмиграции. Не остался равнодушным к этой теме и А.А. Кизеветтер. Одной из его самых значительных работ эмигрантского периода по праву считается статья «Общие построения русской истории в современной литературе», опубликованная в 1928 году. Она носит полемический характер и посвящена критике статей Б.Э. Нольде и И.И. Бунакова, в которых авторы, исходя из двух прямо противоположных исторических концепций, пытались доказать закономерность победы большевиков. Известный историк обратил на них внимание, по его словам, не только потому, что они были «выполнены очень талантливо, со знанием дела и подкупающим литературным блеском», но и потому, что «авторы их незаметно для самих себя и вопреки собственному намерению обнажили некоторые существенные пробелы, до сих пор остающиеся незаполненными в изучении истории России» [8. С. 310].

Борис Эммануилович Нольде, бывший экстраординарный профессор Петроградского политехнического института, признанный специалист в области государственного права, в своей статье «*Reflexions sur le developpement politique de la Russie*» («Размышления о политическом развитии России») сделал «беглый, но выразительный» обзор всего хода политической истории России. Стремясь найти корни происшедшего в историческом прошлом России, он пришел к выводу о гипертрофированной роли государства и власти, которое было единственной направляющей и творческой силой в ходе государственного строительства, тогда как общественная масса была лишь пассивным пластическим материалом в руках этой власти. По его мнению, для всего исторического пути русского народа характерно отрицание государством каких-либо неприкосновенных прав и

отсутствие у населения инстинкта самодеятельного общественного творчества. Из того факта, что существовавшая в России форма правления исключала участие народных представителей в деятельности центральных государственных учреждений, Б.Э. Нольде делал вывод о неспособности русского народа к государственному творчеству, его политической индифферентности и анархичности. Эти качества, по мнению известного юриста, способствовали приходу к власти большевиков.

Критике этих воззрений А.А. Кизеветтер посвящает первую часть вышеозначенной статьи, назвав ее «История без народа». Он отмечает, что точка зрения Б.Э. Нольде, хотя и довольно распространена, но ошибочна. «Я думаю, – пишет он, – что общественный творческий почин играл в нашей истории гораздо более важную роль, нежели это обыкновенно предполагается, и что недооцененность этого элемента нашей исторической жизни объясняется односторонней направленностью внимания исследователей нашего исторического прошлого» [8. С. 312]. Главную причину односторонности историк видит в малоизученности социально-политической проблематики истории России. В фокусе исследований обычно оказывались проблемы становления и развития российского государства, тогда как почти не уделялось внимания творческому влиянию масс на государственное строительство. Отсюда возникало ошибочное мнение, «что все это строительство будто бы шло сверху и совершалось предначертаниями власти, которая лепила из инертной народной массы все, что властителям было угодно» [8. С. 338]. Характеризуя политическую активность различных сословий в процессе складывания самодержавия, он подчеркивает, что «государственный строй XVII ст. подготовлялся и нарождался не без острых и даже кровавых столкновений, которые свидетельствовали о том, что различные группы населения превращались в «холопов великого государя Московского» не безгласно и равнодушно к своим правам и интересам, а лишь уступая, – и притом не без борьбы, – роковой исторической необходимости» [8. С. 312]. Анализ социально-политической истории России, начиная с XVI века, свидетельствовал, что все слои населения, в том числе и низы, оказывали влияние на законодательную политику Московского государства и не довольствовались положением безгласного инструмента в руках правительственной власти. Неся службы и уплачивая налоги, служилые люди весьма громко и настойчиво предъявляли свои требования и умели добиваться их осуществ-

ления. Собираясь на мобилизационные пункты «людны, коны и оружны» перед походом или смотром, они вырабатывали коллективные челобитья о своих сословных нуждах и все вместе вручали их государю. А.А. Кизеветтер подчеркивает, что не стоит обманываться «рабьей», уничижительной фразеологией челобитий, поскольку она «представляла собой не более, как обязательный долг вежливости. И если мы примем во внимание ту обстановку, при которой такие челобитья составлялись и представлялись правительству, то мы поймем, что смиренная условная фразеология этих челобитий не мешала им служить весьма внушительным фактором воздействия на правительственное законодательство» [8. С. 317]. Свои челобитья и «сказки» направляли царю через земские соборы крестьяне и посадские. Конечно, эти слои не были ударной силой борьбы за вольности, общинная организация давала и им известную школу общественной самодеятельности, хотя бы в узкой сфере местных интересов. Если просьбы не помогали, а требования не принимались, то вспыхивали бунты, которыми изобилует XVII век. В отличие от Б.Э. Нольде, А.А. Кизеветтер причину «бунташности» XVII в. видит не в действиях «анархических элементов», которые всегда имелись в составе населения, а в том, что средние классы (служилые и посадские) «сочли нужным поддерживать оружием свои требования в тот момент, когда им показалось, что правительство не расположено удовлетворить их челобитья» [8. С. 319–320]. Ученый не отрицает, что Московское государство имело деспотический характер. Но причины этого он видит не в природной политической пассивности русского народа и его привычке беспрекословно повиноваться всем идущим сверху распоряжениям, а в исторической необходимости, созданной «преходящими условиями политической и экономической обстановки, в которой русскому народу пришлось проходить тот этап своего исторического пути» [8. С. 320].

Рассматривая политическую эволюцию России в XVIII и в первой половине XIX вв., А.А. Кизеветтер отмечает, что в условиях абсолютной власти взаимоотношения государства и общества практически не изменились. Средние слои, и в первую очередь провинциальное дворянство, по-прежнему в значительной мере продолжали влиять на политику императоров. В подтверждение этому он приводит сведения о всероссийских съездах представителей купечества и посадского населения, о конституционной «затейке» верховников и деятельности Уложенной Комиссии. Последняя, в частности, оказала огромное

влияние на законодательную политику Екатерины II, которая, работая над главнейшими своими законодательными актами, «целыми пригоршнями черпала» из того, что было подготовлено Комиссией 1767 г. [8. С. 323].

Во второй части, названной автором «Народ вне истории», дается критика взглядов И.И. Бунакова (псевдоним Ильи Исидоровича Фондаминского), известного публициста русского зарубежья, одного из основателей и редакторов «Современных записок». В опубликованной им в 32-м номере этого журнала за 1927 г. статье «Пути России» он утверждал, что свойствами русской души являются склонность к повиновению и крепостному укладу и потребность служить Богу в форме беспрекословного повиновения его наместнику-царю. Это, по его мнению, сближало Московское государство с восточными теократиями. Единение царя и народа на основе православных ценностей, отсутствие «западноевропейского греха земельной собственности» было нарушено петровскими преобразованиями. Народ был выбит из привычной колеи и оказался «вне истории». Революция взорвала империю, и народ вернулся к общинным «московским земельным устоям», «с почти безумной страстью переделав и поравняв всю землю». Ошибкой отечественной исторической науки, считал И.И. Бунаков, было то, что она ищет причину исторических событий во внешних явлениях (природе, хозяйстве, войнах), и недооценивает явлений духа.

А.А. Кизеветтер действительно причислял себя к научно-реалистической школе, представители которой ограничивались рамками реальных исторических явлений и отстаивали идеи единства и закономерности исторического процесса. Он признавал, что Московское государство было «сверху донизу закрепощенное, в котором все являлись холопами великого государя Московского, а великий государь возвышался надо всеми, как неограниченный владыка, как земной наместник самого Бога». Но этот крепостной государственный строй он рассматривал как «естественное следствие тех жизненных условий, в которых этому государству приходилось слагаться, развиваться и бороться за свое существование». Изменение условий вело к изменениям государственных форм. «Историки-реалисты, — пишет он, — не находят возможным принимать этот строй за порождение каких-либо неотъемлемых свойств русского национального духа, а видят в нем лишь один из последовательных моментов в эволюции русской государственной культуры» [8. С. 328]. Он выступает против идеализации прошлого. «Массовые побеги и мас-

совое «нетство», т.е. уклонение от службы и повинностей, несмотря на грозу тяжких кар, – как хотите, – это весьма далеко от пафоса служения государеву делу!» [8. С. 333]. Только анализ конкретных исторических данных, поддающихся учету и проверке, позволяет исследователю делать обобщающие выводы, не опасаясь отождествления «собственных чаяний и иллюзий» с «идеалами народной души». По мнению А.А. Кизеветтера, своеобразие Московской Руси было связано с местными условиями, византийским и татарским влиянием. Но это своеобразие было относительным на фоне действия общих закономерностей исторического процесса, наличие которых прослеживается у всех европейских народов.

Статья А.А. Кизеветтера «Об общих построениях русской истории в современной литературе» представляет значительный интерес для уяснения методологических взглядов автора. Ее содержание позволяет говорить о некоторых изменениях в теоретических воззрениях ученого. Если в дореволюционный период научного творчества он был последовательным государственнымником, то в эмиграции отстаивал тезис о ведущей роли народных масс в истории, в частности в государственном строительстве, ставил вопрос о соотношении общего и особенного в историческом процессе. Изучение проблем взаимодействия общества и власти, по его мнению, недопустимо ограничивать лишь

сферой государственного строительства. Для научного осмысления роли народного творчества в этом процессе необходим также анализ истории русской колонизации, народного хозяйства, культуры и быта российского общества. Размышления известного ученого о судьбах российской государственности не утратили актуальности и до сегодняшнего дня, поскольку совпадают с современными тенденциями развития исторического знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вандалковская М.Г.* П.Н.Милоков и А.А.Кизеветтер: история и политика. М.: Наука, 1992.
2. *Вандалковская М.Г.* Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М.: Памятники исторической мысли, 1997.
3. *Вандалковская М.Г.* Исторические взгляды А.А. Кизеветтера // Очерки истории отечественной исторической науки XX века / Под ред В.П. Корзун. Омск: ОмГУ, 2005, С. 90–124.
4. *Александров Е.* Александр Александрович Кизеветтер // Кизеветтер А.А. Исторические очерки. Из истории политических идей. М., 2006. С. 7–25.
5. *М.В.* Памяти Кизеветтера // Современные записки. Т. 51, 1933.
6. *Милоков П.Н.* Два русских историка // Современные записки. 1933. Т. 51.
7. *Исюмов А.Ф.* Страничка воспоминаний // Записки Русского исторического Общества в Праге. Кн. III: Прага Чешская. Нарва, 1937.
8. *Кизеветтер А.А.* Общие построения русской истории в современной литературе // Современные записки. Париж, 1928. Т. 37.